

Например, мало что может измениться, если просто производить компьютеры, которые уже есть, только немного лучше, или немножко хуже. Это ведет к изолированности и замкнутости. Прорыв в глобальную экономику требует выступить с чем-то, чего нет на мировом рынке⁸⁸².

Прорыв России в глобальную экономику в контексте современного научно-технического прогресса бесперспективен и исторически безнадёжен, если она сконцентрирует усилия на любом относительно простом производстве, так как оно имеет относительно большие издержки. Новые технологии развиваются чрезвычайно ускоренно, и для тех, кто желает занять место в глобальной экономике, скорость технологического обновления чрезвычайно высока и обязательна. Россия может концентрироваться только на сложном производстве, чтобы реализовать имеющийся интеллектуальный потенциал и нейтрализовать обозначившиеся в условиях глобализации негативные факторы, связанные с отставанием в своем развитии от мирового центра.

Л.Я. Лончинская
Челябинск

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 30 – 40 ГГ. XX ВЕКА

По определению П.А. Сорокина: «Социальная мобильность – любой переход индивида, или социального объекта, или ценности, созданной или модифицированной благодаря деятельности, от одной социальной позиции к другой»⁸⁸³. Социальная мобильность, то есть совокупность социальных перемещений людей в обществе, ускоряется во время общественных потрясений (войн и революций), кардинально изменяя социальную структуру. Особенность социальной мобильности такого периода в том, что большинству населения пришлось изменять привычные модели социально-экономического поведения в соответствии с требованиями нового общества.

Подобное произошло в российском обществе после Октябрьской революции 1917 г. Имущие классы и частично интеллигенция покинули страну, господствующее положение заняли пролетариат и крестьянство. Однако и эти слои претерпели изменения. Состав рабочего класса изменился вследствие потерь в гражданскую войну, массового рекрутирования в управленческие структуры нового государства, деклассирования. Их место занимали выходцы из деревни, «люди на обочине» – еще не рабочие, но уже не крестьяне⁸⁸⁴.

---

⁸⁸² См.: Федотова В.Г. Указ. соч. – С. 363.

⁸⁸³ Сорокин П.А. Социальная мобильность. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 297.

⁸⁸⁴ Козлова Н.Н. Упрощение. Знак эпохи. М., 1990, С.4.

Вертикальная мобильность, то есть перемещение из одной страты в другую определялась социальным происхождением до революции. Этот критерий стал определяющим в успешности продвижения человека по социальной лестнице на долгие десятилетия, заменяя такие факторы, как профессиональная пригодность, образование, деловые качества, оценить которые в условиях всеобщей малограмотности было не просто.

Основной тенденцией в движении населения, сохранившейся вплоть до 60-х гг. XX в., был исход крестьян из деревни. Этот процесс имел не только добровольный характер, что присуще восходящей мобильности (то есть повышению социального статуса), когда крестьяне становились промышленными рабочими. Большие массы сельских жителей принудительно покидали родные места вследствие раскулачивания, привлечение к уголовной ответственности за невыполнение натуральных повинностей и налоговых обязательств и т.п. Эти процессы, зародившись в первые годы советской власти, в том или ином виде продолжались и в годы Великой Отечественной войны, испытав на себе особенности военного времени.

Статус социальных групп и социальной стратификации определяется в основном по политическим (объем властно-управленческих функций), экономическим (собственность, доходы и уровень жизни) и социокультурным (образование, квалификация, профессионализм, образ и качество жизни) критериям. Потенциалы социальных групп, отражаются в социальном престиже⁸⁸⁵.

В условиях советской действительности эти критерии приняли специфический характер. Рабочий класс в Советском Союзе официально занял высшее место в социальной структуре, но на самом деле рабочая политика советской власти уже в первые послереволюционные годы «во всем противоречила интересам самих рабочих». Вопреки всеобщим ожиданиям и собственным обещаниям, большевики, требовавшие до прихода к власти немедленного введения 8-часового рабочего дня, так и не ввели его. Наркомат труда во времена нэпа, впрочем, устанавливал иногда 8-часовой рабочий день на отдельных заводах, но не ради рабочих, а в виде наказания предпринимателя. Уровень жизни рабочих был крайне низким, вследствие чего трудовая мотивация не находила материального подкрепления. Для повышения дисциплины на производстве вводилась система жесточайших штрафов и увольнений, а впоследствии и уголовная ответственность.

Но для тех, кто стремился к социальной карьере, происхождение предпочтительнее было рабочее. Многочисленные выходцы из деревень шли на прямой обман, скрывая свое сельское происхождение, в

---

⁸⁸⁵ Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России (Институциональный и нормативно-правовой аспекты) Ростов-на-Дону, 2000, С. 128.

худшем случае, заменяя в анкете выражение «из середняков», на «из бедняков». Один из таких выходцев, посланный из училища на помощь колхозникам, писал в своем дневнике: «Нет, мне шибко в поле работать не нужно. А то спросят, откуда это ты научился, раньше, что ли работал? Подозрение. А я ведь числюсь чистокровным рабочим»⁸⁸⁶.

Сельская молодежь воспринимала свой социальный статус как «отживающий класс». Для крестьян – городская жизнь, не похожая на сельскую рутину, казалась вечным праздником. Однако государство, желая регулировать перемещения больших масс из деревни в город, сокращало социальную мобильность различными правовыми нормами, например, вводя паспорта. Возможность покинуть голодную, физически изнуряющую деревню у молодежи имелась через службу в армию. Армия не только давала шанс на образование и карьеру, но и социализировала человека, воспитывая у него необходимые общественные навыки. Служба в армии была в те годы престижна и желанна.

Жизнь в городе далеко не всегда означала улучшение материального положения. Но страх остаться «бывшим» человеком, в значительной степени, сформированный пропагандой, толкал молодежь на уход в город. Путь из деревни – какие-либо курсы, армия. А потом может быть образование и карьера.

Для крестьян – городская жизнь, не похожая на сельскую рутину, вечный праздник. Первой ступенью на этом пути была грамотность не как «введение в культуру» а как «введение в политику». Стремление быть как все, то есть усвоить правила успешной игры заставляют «копировать манеры, наблюдать за поведением» других. Была востребована не культура, а культурность, то есть овладение неким набором правил поведения в обществе, усвоение языка власти.

Профессионализм и образованность не были столь необходимы для продвижения по социальной лестнице. Е. Преображенский писал: «сельский коммунист, если он может быть образцовым коммунистом лишь ценой превращения в плохого хозяина, то нужно предпочесть этот последний исход»⁸⁸⁷.

Такой же подход к кадрам распространялся на все сферы государственной жизни вплоть до правоохранительных органов. Например, за 1920-е – начало 1930-х гг. численность работников милиции на Урале выросла на 37 % и составила в 1934 г. 10346 чел.⁸⁸⁸ «Политизация» советского общества оказала решающее влияние на комплектование милиции и уголовного розыска: при приеме на службу учитывалась не

---

⁸⁸⁶ Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С.78 – 84.

⁸⁸⁷ Преображенский Е. Каким быть коммунисту. Старая и новая мораль. М-Л. 1926. С.71.

⁸⁸⁸ ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 15. Л. 6-10; Музей истории ГУВД по Свердловской области. Коллекция документов. Оп. 1. Д. 6. Л. 55 – 56.

столько профессиональная компетентность, сколько социальное происхождение кандидата.

Но социальная значимость этой сферы не подтверждалась экономическим состоянием ее работников. Неудовлетворительные материальные и бытовые условия становились причиной текучести кадров, падения их профессионального уровня, низкой дисциплины и нарушений законности в органах внутренних дел, что, в свою очередь, подрывало авторитет милиции и уголовного розыска в глазах общественности. Нередко бытовые проблемы приводили к фактам суицида в рядах стражей правопорядка.

В этих условиях руководством органов внутренних дел изыскивались различные пути комплектования милиции и угрозыска. Среди них была «военизация» подразделений – укрепление роли единоначалия, строгой субординации и дисциплины. Ужесточение мер дисциплинарной ответственности сочеталось с проведением аттестаций и «чисток» личного состава. Они были призваны изгнать некомпетентных и классово чуждых лиц из рядов милиции и угрозыска.

Для заполнения освобождаемых должностей стали проводиться партийные и комсомольские мобилизации. На службу в органы внутренних дел переводились сотрудники ОГПУ, а также рабочие и крестьяне, проявившие себя во время различных политических кампаний – коллективизации и ликвидации кулачества как класса, антицерковной и других.

В советской правоохранительной системе, к концу 30-х гг. две трети следователей не имели никакого юридического образования, 60% даже не переступали порога средней школы, у прокуроров в 56% случаев также не было юридического образования. Война лишь усугубила это положение. Чтобы восполнить недостаток кадров, в суды были направлены молодые работники в порядке продвижения из технического персонала. Руководствовались при этом критериями политической благонадежности и чистоты биографии. Такие «вливания» продолжались в течение всего военного времени, причем часто работники в правоохранительные органы набирались прямо с производства. Они сразу привлекались к работе, а их обучение зачастую ограничивалось пятидневной методической конференцией⁸⁸⁹. Такое же положение со специалистами было практически во всех сферах социальной и экономической жизни страны.

Однако материально-бытовое положение горожан в 30 – 40 гг. было тяжелым. Сам по себе статус рабочего или служащего не давал преимуществ в снабжении, если только занимаемая должность не причислялась к различным льготным и привилегированным спискам, дающим право на дополнительное, внеочередное и т.п. снабжение. Кроме

---

⁸⁸⁹ Саломон П. Советская юстиция при Сталине М., 2008, С. 175.

этого, только «причастность» к распределительной системе, работа в пищевой промышленности и прочих «хлебных» местах давали возможность улучшить экономическое положение.

Различного рода дотации и привилегии играли роль коэффициента повышения социального статуса для служителей коммунистической системы (номенклатура, армия, ВПК и некоторые другие группы). Таким образом, экономический критерий был следствием политического. «Номенклатуре разрешается делать то, что другим запрещается, и извлекать из этого прибыль. Главной привилегией становится вообще разрешение на прибыль»⁸⁹⁰.

По мнению П. Бурдые, способность господствовать в присвоенном пространстве за счет присвоения (материально или символически) дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от наличного капитала. «В рамках экономики, по определению отказывающейся признавать «объективную» суть «экономических практик», т.е. закон «голового интереса» и «эгоистического расчета»... такой отрицаемый капитал, признанный в своей законности, а значит, не узанный в качестве капитала – это символический капитал, и в условиях, когда экономический капитал не является признанным, он, вероятно, наряду с религиозным капиталом образует единственно возможную форму накопления». Символический капитал – тот кредит доверия, который облегчает любой акт социального обмена⁸⁹¹. Чтобы им обладать, необходимо было иметь соответствующие социальные (происхождение) и культурные (идеология) ресурсы.

В соответствии с этим жизненное положение индивида определялось социальным и частично культурным капиталом. Это давало доступ к властным структурам, а значит и участию в дележе жизненных благ. Как подчеркивает Е.С. Балабанова, «государство своими действиями само активно конструирует социальную реальность, трансформируя существующие социальные группы, определяя их социальный статус, экономическое поведение и нормативно-ценностные установки»⁸⁹².

Это подтверждается социальной судьбой участников теневой советской экономики. Люди, использующие системные пороки советской планово-распределительной экономики: дефицит, плохую организацию торговли, расточительное использование ресурсов сопровождали все этапы существования Советского Союза, усиливая свою деятельность в острые, кризисные моменты. Так, во время войны их участие в снабжении населения стал особенно заметен. Существовали подпольные производства

---

⁸⁹⁰ *Троицкий Л.Д.* Преданная революция. М., 2009, С.184.

⁸⁹¹ *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001 С. 230; Социология социального пространства. СПб., 2005, С. 288.

⁸⁹² *Балабанова Е.С.* Андекласс: понятие и место в обществе // Социологические исследования. 1999. №12. С.65 – 70.

товаров народного потребления, нередко под видом кооперативов или даже на государственных предприятиях, процветала спекуляция дефицитом. Однако улучшение имущественного положения (экономический капитал) теневиков вряд ли можно назвать восходящей социальной мобильностью. Как правило, они не имели возможности открыто, легально и в полной мере использовать свой экономический потенциал.

Горизонтальная добровольная мобильность была затруднена рядом законодательных актов предвоенного и военного времени, запрещавших самовольное увольнение с предприятий. Однако массовый масштаб приняла мобильность принудительная: мобилизация населения на различного рода оборонные работы, в помощь селу, в систему трудовых резервов. Плановая и стихийная эвакуация также внесла свой вклад в перемещение больших групп населения. Стоит упомянуть также массовые осуждения по уголовным и политическим обвинениям, а также внесудебные меры (выселение, переселение) целых социальных групп и народов.

Однако на деле это перемещение в географическом пространстве нередко оказывалось нисходящей мобильностью, так как резко ухудшалось материальное, а иногда и социальное положение, заставляя менять профессию, а с ним и социальный статус. Привлечение на производство домохозяйек также был неоднозначным процессом. Пропагандой он расценивался как повышение статуса женщины, но тяжелые условия и непосильный труд субъективно расценивался как ухудшение положения. Кроме того, привлечение женщин в различные сферы социально-экономической жизни страны не означал изменение их социального престижа. Государство откровенно использовало не только труд, но и патриотический настрой женщин. На самом деле, их редко выдвигали на руководящие должности и заменяли мужчинами при первой же возможности. По крайней мере, после войны, по возвращению мужчин с фронта, процесс вытеснения женщин из традиционно мужских сфер деятельности пошел полным ходом.

Многочисленной группой, испытавшей на себе ухудшение социального положения, стали инвалиды. Существующая в то время система социальной реабилитации, направленная не на получение ими образования, а на овладение каким либо ремеслом, приводила к снижению материального положения, качества жизни и социального статуса.

Интенсивная вертикальная мобильность является одним из основных адаптационных механизмов, обеспечивающих социальную стабильность и интеграцию трансформирующегося общества. Ошибочно представлять советское общество только как результат насилия и репрессий диктаторского государства, где власть была единственным субъектом социальных изменений. Любая жизнеспособная система содержит область, где индивид свободен в волеизъявлении. Он

способен манипулировать системой в свою пользу. В условиях массовых принудительных социальных передвижений и запретов на таковые, простые люди, «листья травы», находили способы повышать свой социальный статус, используя те условия, которые объективно предоставляла им система.

О.И. Марискин
Саранск

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД⁸⁹³

Исследование социально-экономического состояния российской деревни в 1940 – 1950-е гг. получило пространное отражение в общероссийской и региональной литературе⁸⁹⁴. В значительно меньшей степени изучался вопрос о налогообложении личного хозяйства сельского населения в послевоенный период⁸⁹⁵, главного звена в общей системе взаимоотношений между государством и крестьянством.

Великая Отечественная война потребовала мобилизации всех материальных и финансовых ресурсов страны: были введены новые налоги с населения, пересмотрены и изменены существовавшие, сокращены льготы. Повышение налогов с сельского населения началось с введением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1941 г. «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения». Надбавка устанавливалась в размере 100% к сумме сельскохозяйственного налога⁸⁹⁶. С введением в 1942 г. военного налога эти надбавки были отменены⁸⁹⁷. Ставки обложения новым налогом колхозников и единоличников колебались в различных регионах в пределах от 150 до 600 руб. в год. Так, средняя ставка на одного члена хозяйства колхозников и единоличников в Краснодарском крае составляла 270 руб., в Мордовской АССР – 400, Курганской области – 450, Владимирской – 500 руб.⁸⁹⁸

⁸⁹³ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства РМ, проект № 11-11-13002 а/В

⁸⁹⁴ См.: *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; *История советского крестьянства*. М., 1988. Т. 4.; *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992; *Ломилан В. А., Надькин Т. Д.* Деревня Мордовии в послевоенные годы. Саранск, 2006 и др.

⁸⁹⁵ *Пискотин М.И.* Закон о сельскохозяйственном налоге. М., 1955; *Пискотин М.И.* Налоги с сельского населения в СССР. М., 1957; *Марьягин Г.Л.* Налоги в СССР. М., 1958; *Марьягин Г.Л.* Очерки истории налогов с населения СССР. М., 1964; *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95 – 114; *Безьян М.А., Димони Т.М., Изямова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930 – 1960-х годах. Вологда, 2001; *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конца 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.

⁸⁹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 31.

⁸⁹⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2.

⁸⁹⁸ *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 102.